

9 ВОПРОСЫ О ЗАКОНЕ

**Философия, которую преподают
в школе нынешнему поколению,
в следующем поколении станет
философией правительства**

— Авраам Линкольн

Отношение человека к идее сотворения мира связано с его отношением к закону и правительству. Эту связь часто не замечают, но она логична. Основатели Америки, понимавшие эту истину, провозгласили, что, поскольку все люди «созданы равными», Бог наделил их «неотъемлемыми правами», основанными на «законах природы», которые происходят от «ее Творца». Поэтому 4 июля 1776 года они единодушно заявили в Конгрессе:

«Когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым расторгнуть политические связи, соединяющие его с другим народом, и занять среди держав мира самостоятельное и независимое положение, на которое он имеет право согласно законам природы и ее Творца, то уважение к мнению человечества обязывает его изложить причины, побуждающие его к отделению.

Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства».¹

¹ «Декларация независимости». Цит. по: Сиджмор М. Дж. Триш М. К. Американская система государственного управления. - М., 1993. С. 331 - 334.

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОН?

Американские законы изначально были основаны на классическом понимании юриспруденции. Юриспруденция — это наука о законах, или о праве, которую иногда называют философией права. Эта дисциплина в первую очередь занимается значением самой концепции закона (теория права) и соотношением этой концепции с идеей нравственности. На протяжении всей истории юриспруденция чаще всего отстаивалась точка зрения, известная как *естественное право*. Сторонники естественного права верят, что некоторые законы, существующие для управления поведением людей и для защиты прав человека, известны всем. Считается, что эти законы познаваемы «здравым» умом. Мыслители Древней Греции и Рима, в особенности стоики, ввели ряд понятий, связанных с вечными законами. Евреи и христиане, конечно же, понимали законы как отражение вечной природы Бога, открытой Моисею в нравственных принципах Десяти Заповедей (Закон Моисеев). Закон Моисеев основан на вере в то, что Бог сотворил человека по образу Своему (*Imago Dei*), и часть этого образа — подражание Богу в нравственном отношении.

Новый Завет гласит, что естественный закон заложен в человеке от рождения. Это — знание, данное Богом и служащее основой нравственности и этики. Даже люди, которые никогда не слышали ни о Моисее, ни о Десяти Заповедях, все равно знают о Законе Божьем, потому что «дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Послание к Римлянам 2:15; курсив наш).

Средневековые богословы — и в первую очередь Фома Аквинский, чье влияние оказало самым существенным и продолжительным, — понимали и защищали естественный закон как производную вечного закона. Классическое восприятие естественного закона было следующим: человек участвует в вечном законе посредством разума. «Коротко говоря, естественный закон — это «естественный свет разума», который помогает нам понять, что правильно, а что нет».² Все разумные существа познают естественный закон благодаря основным принципам, а также непосредственно — через инстинкты. Можно также сказать, что человеческий разум — это основа естественного закона лишь в том смысле, что разум участвует в вечном законе Творца. Как показано на иллюстрации, Создатель просвещает человеческий разум таким образом, чтобы мы могли познавать естественный закон и создавать нравственные законы на основе закона вечного. Таким образом, теория естественного права основана на абсолютных и объективных моральных законах, и защищает ценность человеческой жизни. «Ибо все за-

коны происходят от вечного закона в той степени, в которой они — результат верного рассуждения», а рассуждение верно только тогда, когда участвует в «Вечном Разуме».³

(Существуют и другие, очень хорошие разъяснения теории естественного права. Так, Клайв Льюис убедительно отстаивает ее в книге «Человек отменяется».⁴ Дж. Будзишевски, преподаватель философии в Университете штата Техас, излагает современные взгляды на теорию естественного права в книге «Запечатлено в сердце: естественный закон под следствием»⁵).

Противоположность естественному праву — так называемое *позитивное право* (это понятие часто относят к письменному закону). Основано оно на естественном законе или нет, позитивное право противопоставляется классическому пониманию естественного права. В наши дни большинство защитников позитивного права считают, что человечество должно следовать только тем законам, которые даны не Творцом, а творением — людскими властями. Как показано на схеме, позитивисты считают, что закон — явление временное, так как он основан на временном, а не вечном, разуме. Следовательно, полагают они, законы не могут быть ограничены свыше.

² Norman L. Geisler, *Thomas Aquinas: An Evangelical Appraisal* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1991), 165.

³ Norman L. Geisler, *Thomas Aquinas: An Evangelical Appraisal* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1991), 165. (курсив наш).

⁴ C. S. Lewis, *The Abolition of Man* (New York: Macmillan, 1995).

⁵ J. Budziszewski, *Written on the Heart: The Case for Natural Law* (Downer Grove, Ill.: InterVarsity, 1997), 196.

«Правовая призма» позитивного закона, таким образом, «характеризуется двумя основными положениями: 1) между моралью и законом не обязательно существует связь и 2) сила закона, в конечном счете, определяется отсылкой к определенным социальным фактам».⁶ Таким образом, позитивное право субъективно, так как основано на относительных социальных нормах, различных в зависимости от культуры, опыта и ситуации. Сторонники позитивного права настаивают на том, что закон устанавливается людьми, следовательно, человек полностью властен над законом. Из такого понимания закона вытекает, что человечество также имеет полную власть над жизнью и определяет ее ценность. Именно поэтому мы глубоко убеждены, что позитивная теория права обесценивает человеческую жизнь и разрушает основы равенства и прав человека.

В этой главе мы исследуем аргументы в пользу естественного права и позитивного права, чтобы выяснить, какое из них истинно. (Ведь, в соответствии с законом непротиворечия, оба они не могут быть истинными одновременно). Поэтому прежде чем рассматривать эти противоположные точки зрения, обратимся к причинам, которые привели к отказу от классического понимания естественного права и способствовали укреплению позитивного права.

ЧТО ПОСЛУЖИЛО ТОЛЧКОМ К РАЗВИТИЮ ТЕОРИИ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА?

Один из лучших способов понять, как возникло позитивное право, — обратиться к философии знаменитого немецкого атеиста Фридриха Ницше (1844 – 1900), который сказал: «Бог мертв, и убили Его мы».⁷ Фразу «Бог мертв» разные мыслители толковали по-разному; Ницше же употребил ее в мифологическом смысле. Иными словами, он утверждал, что миф о существовании Бога, в который раньше многие верили, умер, а вместе с ним умер и миф об объективных ценностях. Поэтому, с точки зрения Ницше, единственная надежда человечества — разум. Ницше верил, что разум и сила воли, управляющая вечным повторением времени, могут сделать человека «самодостаточным». Бытие для Ницше — это «живи опасно!»⁸ «Отправь свои корабли в неизведанные моря!»⁹

Ницше считал, что жизнь сама по себе лишена смысла, за исключением того смысла, который придает ей сам человек. Вся жизнь у Ницше сводится к самоутверждению, и, так как данные Богом ценности мертвы, ценности создаются людьми. Он утверждал, что нужно перейти «по ту сторо-

⁶ The Cambridge Dictionary of Philosophy (Cambridge University Press, 1995), 425.

⁷ Friedrich Nietzsche, *The Gay Science*, in *The Portable Nietzsche*, transl. Walter Kaufmann (New York: Viking, 1968), 95.

⁸ Там же, 97.

у добра и зла». Соответственно, «так как нет Бога, чтобы желать добра, мы должны желать собственного добра. И так как нет вечной ценности, мы должны желать вечного повторения нынешнего состояния». В последней строке «К генеалогии морали» Ницше писал, что человек предпочтет скорее хотеть Ничто, чем ничего не хотеть. «Хотеть Ничто» — это и есть нигилизм (*nihil* — ничто).⁹

Существенную часть того фундамента, на котором строится философия позитивного права, образует утилитаризм. Утилитаризм — это «моральная теория, согласно которой действие нравственно приемлемо тогда и только тогда, когда оно приносит всем людям, на которых направлено, по крайней мере столько же пользы, сколько принесло бы любое другое действие, предпринятое вместо данного».¹⁰ Эту точку зрения отстаивали Иеремия Бентам (1748–1832) и Джон Стюарт Милль (1806–1873). Бентам придерживался этого взгляда в количественном смысле (так называемый «утилитарный расчет»: что приносит больше удовольствия или меньше страданий?) Он считал, что нужно вести себя таким образом, чтобы, в конечном счете, сделать как можно больше добра как можно большему числу людей.

Милль тоже прибегал к утилитарному расчету, но утверждал, что понимать его следует в качественном отношении. «Удовольствия качественно отличаются одно от другого, и высшим удовольствиям следует отдавать предпочтение перед низшими».¹¹ «Удовольствия различаются не только количественно и не только по силе воздействия. Одно удовольствие выше и ценнее другого просто потому, что большинство людей, знакомых с тем, и с другим, решительно отдаст предпочтение одному из них».¹² Милль полагал, что «в любом случае, абсолютных нравственных законов нет. Все зависит от того, что именно приносит наибольшее удовольствие. А представления о наибольшем удовольствии у разных людей и в разных местах существенно различаются».¹³

Еще одним мыслителем, способствовавшим распространению позитивного права, был Чарльз Дарвин (1809 – 1882). В 1859 году Дарвин опубликовал книгу о макроэволюции — «Происхождение видов». Постепенно его теория, ставящая человека на один уровень с животными, получила широкое научное распространение. Удобная и практичная вера в то, что между людьми и животными нет принципиальных различий, кроме уровня развития, со временем оказала определяющее воздействие на все сферы общественной жизни — науку, политику, законодательство, юриспруденцию. Под-

⁹ Norman L. Geisler, *Christian Ethics: Options and Issues* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1989), 33.

¹⁰ The Cambridge Dictionary of Philosophy (Cambridge University Press, 1995), 824.

¹¹ John Stuart Mill, «Utilitarianism» in *The Utilitarians* (Garden City, N. Y.: Dolphin / Doubleday, 1961).

¹² Norman L. Geisler, *Christian Ethics: Options and Issues* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1989), 66.

¹³ Там же, 31.

держивая Дарвина, Карл Маркс писал, что в эволюционной концепции вселенной совершенно нет места для Творца и Владыки.¹⁴ Короче говоря, если нет Законодателя морали, то нет и моральных законов, на которых основаны законы гражданские. Эта точка зрения укрепляет позитивное право, настаивая на отсутствии какой бы то ни было связи между законом и моралью.

Теорию Дарвина постепенно внедряли в различные академические дисциплины, внушая студентам, что трансцендентного основания для закона и нравственности не существует, и что поведение людей – это результат инстинктов и наследственности. Со временем представление о том, что люди «должны» относиться к другим так, как того требует нравственный закон, было полностью вытеснено из преподавания теории права. На смену ему пришло дарвиновское понимание человеческого поведения, гармонирующее с теорией макроэволюции и позитивного права. В результате *позитивное право, подкрепленное дарвиновским материалистическим мировоззрением, стало господствующей теорией и в высшем юридическом образовании, и в судебной практике.*

Отсюда вытекает жизненно важный вопрос о соотношении закона и морали: «Если нравственность не заложена в людях изначально, и их поведение определяется только наследственностью, то как можно привлечь человека к ответственности за его поступки?» Журнал «Time» опубликовал однажды статью, где на десяти страницах отстаивалась та идея, что поведение людей полностью определяется генами, и в нравственном отношении человек бессилен. Автор статьи, Роберт Райт, пишет: «Мы – животные, обладающие нравственным потенциалом (чего не могут сказать о себе никакие другие животные), но нравственность не присуща нам от природы».¹⁵ Основное внимание в статье уделяется супружеской неверности как одной из форм проявления сексуальности, из чего логически вытекает, что принцип генетически предопределенного полового поведения должен распространяться на все формы сексуальных отклонений, в том числе на гомосексуализм, соращение малолетних, педофилию, насилие и другие извращения. Райт объясняет, что супружеская неверность – это естественный импульс, равно как и любое половое влечение, даже желание влюбиться. Он пишет:

«В вышедшем в 1967 году бестселлере «Голая обезьяна» (*The Naked Ape*) зоолог Десмонд Моррис (Desmond Morris) авторитетно заверил читателей, что эволюционная цель человеческой сексуальности – «укрепление связи внутри пары и сохранение семьи»... Это мнение теперь вызывает некоторые возражения... Конечно, не обязательно быть доктором наук, чтобы понимать: верность до гроба не так естественна для человека, как, скажем, потребность в еде. Но

появление такой новой области науки, как эволюционная психология, делает возможным более пристальное изучение проблемы. Исследуя влияние, которое процесс естественного отбора оказывает на разум, эволюционные психологи создают теперь новый образ человеческой природы... Человек способен влюбляться, и это хорошо. Плохо то, что состояние влюбленности не может длиться вечно. В соответствии с эволюционной психологией, иногда, в определенных обстоятельствах *прелюбодеяние вполне естественно* как для мужчин, так и для женщин... Точно так же естественно найти какую-нибудь привлекательную коллегу, которая во всех смыслах лучше вашей старой кэрги».¹⁶

Если Райт прав и люди, в сущности, просто животные, то для них должно быть вполне естественно вести себя так, как описано выше. Почему же тогда считается, что прелюбодеяние (а также гомосексуализм, соращение малолетних, педофилия, изнасилование и другие сексуальные извращения) – это плохо? Почему уголовные кодексы разных стран предусматривают наказание за такое поведение? Может ли осуждаться законом то, что вполне приемлемо с точки зрения морали? С точки зрения позитивного права между понятием закона (теорией права) и понятием морали нет никакой связи. *Кроме того, если эволюционисты правы и сексуальное поведение напрямую определяется наследственностью и средой, то не относится ли это и к прочим видам поведения?* Что можно сказать с этой точки зрения, например, об убийстве? Отсюда вопрос: «*Каким образом теория макроэволюции и позитивное право влияют на судебную процедуру?*»

ВРЕДИТ ЛИ ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ?

Взвзв за основу атеизм Ницше, утилитаризм Бентама и Милля, а также дарвинистское представление о развитии человеческой жизни, ученые-юристы начали разрабатывать новые теории права. В конечном счете, позитивное право стало называться *правовым реализмом*. Правовой реализм – это «теория философии права или юриспруденции, которая в широком смысле характеризует утверждение, что суть закона лучше всего понимается путем наблюдения за действиями судов и граждан, а также анализа утвержденных законодательных норм и концепций».¹⁷ Правовой реализм в Соединенных Штатах, в его современной форме, называется *критическим правоведением*.

Развитие критического правоведения привело недавно к возникновению *постмодернистской теории права*. Сторонники этой теории полага-

¹⁴ Marx and Engels on Religion, ed. Reinhold Niebuhr (New York: Schocken, 1964), 295.

¹⁵ Robert Wright, "Infidelity: It May Be in Our Genes", *Time*, August 15, 1994, 46 (курсив наш).

¹⁶ Robert Wright, "Infidelity: It May Be in Our Genes", *Time*, August 15, 1994, 46 (курсив наш).

¹⁷ *The Cambridge Dictionary of Philosophy* (Cambridge University Press, 1995), 425.

ют, что законы создаются и интерпретируются так, как удобно властям, без учета интересов немущих классов и представителей меньшинств. Вот что пишет один профессор, приверженец постмодернизма:

«Если [в постмодернистской теории права] и можно выделить одну основную тему, то это тема закона как инструмента социального, экономического и политического господства как в смысле дальнейшего продвижения конкретных интересов господствующей верхушки, так и в смысле узаконения существующего порядка. Этот подход подчеркивает идеологический характер правовой доктрины».¹⁸

Если считать верным позитивистское или постмодернистское понимание права, то получается, что закон, в конечном счете, зависит от воли людей, его пишущих. Если законодатели верят в истинность макрорволюции, значит, они верят и в то, что между человеческой и животной природой нет существенного различия. Но если поведение людей предопределено генетически, то как это должно отражаться на правосудии?

Чтобы не пускаться в долгие умозрительные рассуждения, приведем два примера из реальной жизни. В 1991 году Тони Мобли зверски убил менеджера пиццерии «Домино» и был приговорен к смертной казни. Адвокаты же утверждали, что «возможно, у мистера Мобли была генетическая предрасположенность к преступлениям, и его действия нельзя считать исключительно проявлением свободной воли».¹⁹

Далее в статье рассказывается, как в ходе судебных заседаний была сделана попытка создания нового юридического прецедента, и были представлены данные последних исследований связи между генами и агрессивным поведением. «Необычная защита мистера Мобли вызвала серьезную озабоченность экспертов-правоведов. Теперь генетические исследования могут серьезно повредить системе разбора уголовных дел, позволяя людям утверждать, что они родились не способными контролировать свои действия».²⁰ Но эта точка зрения не так уж и нова. Автор статьи ссылается на адвоката, который за много лет до этого случая пробовал применить ту же стратегию. «Первооткрывателем этого подхода стал в 1924 году адвокат Кларенс Дэрроу — в ходе печально известного процесса Натана Леопольда и Ричарда Леба, двух богатых юношей из Чикаго, убивших четырнадцатилетнего подростка. Мистер Дэрроу высказал предположение, что причина испорченности одного из этих мальчиков кроется в «семенах» их «далеких предков»».²¹

¹⁸ Mark Kelman, *A Guide to Critical Legal Studies* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987), 1.

¹⁹ Edward Felsenthal, "Man's Genes Made Him Kill, His Lawyers Claim", *The Wall Street Journal*, November 15, 1994, B1.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Тактика адвокатов Мобли в целом та же, что и у Дэрроу.²² Они пытались оправдать поведение своих подзащитных на основе макрорволюционной теории о генетической предрасположенности. Эта стратегия защиты согласуется с позитивным правом и является собой попытку *подорвать самую суть правосудия и обесценить человеческую жизнь*. Некоторые специалисты в области уголовного права считают, что с такого рода защитой придется сталкиваться все чаще и чаще, особенно по мере развития генетических исследований. Если это действительно произойдет, как отразится дарвиновское понимание человеческой природы и вера в позитивное право на разработку и принятии законов?

КАК МОГУТ ЗАКОНОДАТЕЛИ ПРИНИМАТЬ «ХОРОШИЕ» ЗАКОНЫ?

Перечисляя различные модификации позитивного права, известные под разными названиями, легко запутаться, однако основополагающие элементы его неизменны, поэтому далее мы будем называть «позитивным правом» все варианты отношения к закону как к делу рук человеческих.²³ Под «позитивным правом» мы понимаем положение дел, при котором люди, принимающие законы, не имеют объективных и трансцендентных стандартов для оценки человеческого поведения, а законы пишутся властями с целью защиты их собственных интересов. Такое понимание права влечет за собой следующий вопрос, один из самых важных в теории и практике уголовного права: «Способно ли общество создать систему хороших законов?». Поскольку «хорошими» можно назвать и те законы, которые идут на пользу государству, и те, которые идут на пользу отдельному человеку, то кто решает, какое благо считать «большим» или «высшим»? Иными словами, как определить, что такое «хороший закон»?

При этом под «хорошими законами» мы не подразумеваем гражданские или законные права — например, те, которые перечислены в первых восьми поправках к Конституции. Эти права могут меняться, о чем свидетельствует история; кроме того, в разных странах они существенно различаются. Мы говорим здесь о *правах человека, или о естественных правах, которые надо четко отличать от гражданских или законных прав*.

Когда в 1991 году президент Джордж Буш-старший назначил Кларенса Томаса судьей Верховного Суда Соединенных Штатов, это вызвало ожесточенный протест либеральных кругов. Люди боялись, как бы вера Томаса в

²² Кларенс Дэрроу широко известен как защитник на памятном судебном процессе Скоупа в 1925 году, когда школьного учителя биологии из Дэйтона, штат Теннесси, обвиняли в преподавании теории эволюции.

²³ В этой главе также используются другие названия позитивного права — также, как правовой реализм, правовой релятивизм, критическое правоведение и постмодернистская правовая теория.

естественное право не отразилась на его толковании Конституции. Сенатор-демократ Джозеф Байден, занимавший тогда должность председателя Юридического комитета, заявил, что тоже верит в естественное право, но опасается, что Томас «неверно» его толкует. Филалип Джонсон, профессор юриспруденции Калифорнийского университета в Беркли, подчеркивает различие, которое сенатор Байден проводит между «правильным» (хорошим) и «неправильным» (плохим) естественным правом. Цитируя одну работу Байдена, Джонсон объясняет:

«Согласно статье сенатора Байдена, хорошее естественное право подчиняется Конституции – то есть позитивному закону, созданному людьми, – поэтому его применение ограничено «задачей придания смысла грандиозным, но порой неясным формулировкам Конституции». Во-вторых, хорошее естественное право не навязывает народу никакого морального кодекса... Наконец, хорошее естественное право – это не неподвижный набор «вечных истин», а, скорее, развивающаяся совокупность идеалов, которые меняются, позволяя правительству приспособиться к социальным переменам и к новым экономическим обстоятельствам. Плохое естественное право – это, напротив, неизменный моральный кодекс, ограничивающий свободу людей делать то, что представляется им наилучшим, или свободу правительства делать то, чего требуют интересы общества».²⁴

Сенатор Байден, разумеется, использует термин «естественное право» не в том классическом смысле, в котором понимали его творцы Конституции США; напротив, он ставит позитивное право выше объективного естественного закона. Таким образом, сторонники нравственного и правового релятивизма оказываются перед логической дилеммой. Говоря о «вечных истинах», сенатор Байден ссылается на классическое понимание естественного права, ибо естественное право действительно можно представить как «вечные истины», отражающие объективный стандарт добра и зла. Любое человеческое поведение и любые юридические нормы измеряются в соответствии с этим стандартом. Чтобы действительно верить в естественное право, нужно подчиняться абсолютным нравственным законам, стоящим над любыми правительствами. Филалип Джонсон отчасти проливает свет на эту современную дилемму:

«Всякий, кто говорит, что такой стандарт существует [что есть объективные, трансцендентные и абсолютные законы морали], тем самым отрицает, что мы – нравственно автономные существа, имеющие право устанавливать собственные стандарты и отступать от обычаев предков. Если кто-то признает вечные заповеди, данные

Богом, он тем самым навлекает на себя обвинения в навязывании своей религиозной нравственности людям с другими взглядами. С другой стороны, любой, кто отрицает высший нравственный закон, склонен впасть в нигилизм и, следовательно, лишит угнетенных защиты от кнута угнетателей. Оба варианта неприемлемы. Самый безопасный путь – отделаться банальными или многозначительными фразами».²⁵

Если классическое понимание сути естественного права ошибочно, то нет и дилеммы, и не о чем беспокоиться; следовательно, таких деятелей, как сенатор Байден, не должны заботить проблемы всеобщего нигилизма и «беззащитности угнетенных перед кнутом угнетателей». Покойный Артур Аллен Лефф, профессор юриспруденции в Йельском университете, умел излагать сложные проблемы на редкость простым языком. В своей знаменитой лекции, прочитанной в Университете Дьюка за несколько лет до своей смерти, он описал суть не только политической битвы между сторонниками естественного и позитивного права, но и той внутренней борьбы, которая происходит в каждом человеке. Он прямо указал на дилемму общества, в котором люди жаждут одновременно и свободы, и неизменных нравственных ценностей. Лефф сказал:

«Я хочу верить – так же, как и вы, – в совершенную, трансцендентную и имманентную систему понятий добра и зла, в доступные правила, которые авторитетно и недвусмысленно указывали бы нам, как жить праведно. Вместе с тем я хочу верить – так же, как и вы, – что всего этого нет, что мы совершенно вольны решать не только что делать, но и кем быть каждому из нас и всему роду человеческому. Мы хотим быть одновременно всецело подвластными и всецело свободными, то есть одновременно и искать, и создавать то, что хорошо и правильно. Бог в помощь!»²⁶

Такая откровенность помогает выяснить, кто же все-таки прав в этих дебатах о природе закона и о его отношении к нравственности. Двадцатый век стал свидетелем утраты объективных моральных критериев и в полной мере испытал на себе все опасности, связанные с засильем теории позитивного права. По словам Питера Крифта,

«...впервые в истории мы утратили объективный нравственный закон. Философия нравственного позитивизма (заключающаяся в том, что нравственность постулируется или создается человеком), нравственного релятивизма и субъективизма впервые ста-

²⁴ Phillip E. Johnson, *Reason in the Balance* (Downers Grove, Ill.: Intervarsity Press, 1995), 134.

²⁵ Phillip E. Johnson, *Reason in the Balance* (Downers Grove, Ill.: Intervarsity Press, 1995), 134.

²⁶ Arthur Allen Leff, "Unspeakable Ethics, Unnatural Law", *Duke Law Journal*, December 1979, no. 6, 1229.

ла не ересью бунтарей, а господствующим ортодоксальным взглядом интеллектуальной элиты. Преподаватели университетов и работники средств массовой информации в большинстве своем отвергают веру в универсальные и объективные ценности.²⁷

Давайте доведем это отрицание классического подхода к естественному праву до его логического завершения. Естественное право основано на врожденном и всеобщем понимании того факта, что некоторые виды поведения аморальны, и, следовательно, должны быть поставлены вне закона. В прошлом Америка признавала ту истину, что ценность человеческой жизни заповедана Богом, и никакие правительства над ней не властны. Если это так, то естественный закон — необходимая предпосылка для позитивного права. В этом смысле естественный закон лежит в основании нравственного стандарта. Этот стандарт, или нравственный закон, можно назвать *первопринципом* юриспруденции, на котором должно строиться все право и который обуславливает существование подлинной цивилизации.

Цивилизация зависит от естественного закона. Именно на нем основано понимание того, что человек отличается от животных, потому что Создатель наделил человечество особыми качествами (неотъемлемыми правами человека). Эти качества не зависят от человеческих властей и должны свидетельствовать о вечной природе и праведности Творца. Но чтобы закон был в силе, его нужно провозгласить и соблюдать. Соединенные Штаты Америки были основаны на классическом понимании естественного права, и это понимание легло в основу фундаментальных принципов (самоочевидных истин), провозглашенных в Декларации независимости. Более того, именно для обеспечения и сохранения этих истин-аксиом, провозглашенных в Декларации, Отцы-основатели создали Конституцию и установили нашу систему правления.

Отцы-основатели знали, что в стране, где рано или поздно будет царить разнообразие, основные принципы должны опираться на истину, так как истина обеспечивает *единство в разнообразии*. Они назвали основные объединяющие принципы Декларации независимости «самоочевидными» истинами. Они знали, что пренебрежение этими истинами, в конечном счете, поставит под угрозу данные Богом права человека, ради сохранения и обеспечения которых и создаются правительства.

В отличие от многих современных политиков, наши Отцы-основатели отличались здравомыслием и принципиальностью. Они понимали главные аксиомы жизни и знали, что за их объяснением следует обращаться к Богу-Законодателю (Творцу), потому что Он даровал человеку жизнь и наделил ее ценностью (права человека). Для них Создатель был источником всей жизни, истины, свободы и справедливости (ибо подлинная свобода

подразумевает справедливость). Они считали, что правительства покоятся на плечах Творца, а не творения.

Отцы-основатели понимали, что основные принципы, гарантирующие жизнь, свободу и справедливость, не могут не восходить к трансцендентному, абсолютному и личностному Богу. В Декларации независимости ясно сказано: правительства существуют для того, чтобы обеспечить определенные права человека; о том, что правительства должны эти права создавать, не сказано ни слова. Но наш народ сегодня живет по другой декларации, которая риторично отличается от написанной Отцами-основателями. Вместо декларации о Творце, творении и неотъемлемых правах человека мы приняли декларацию, основанную на материализме, теории эволюции и относительных правах.

Поскольку наши законы больше не основаны на вере в личностного Бога-Создателя, обществу грозит обесценивание человеческой жизни и утрата веры в то, что все люди сотворены равными и одинаково ценны для Бога. Мы хотим показать, что преобладающее ныне понимание позитивного права диаметрально противоположно естественному праву и принципам, которые легли в основу Конституции.

Мы считаем, что естественное право в его классическом понимании оправдано и свободно от предвзятости, потому что объективно и неизменно. Позитивное же право, напротив, подрывает самые основы морали и прав человека — тех самых прав, за которые отдали жизнь столько отважных людей. Кроме того, теория

*Взгляд, основанный
на существовании
Бога-Законодателя*

**ДЕКЛАРАЦИЯ
НЕЗАВИСИМОСТИ**

Мы считаем самоочевидными истину: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, в число которых относятся право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства.

*Взгляд, основанный
на материализме
и теории эволюции*

**ДЕКЛАРАЦИЯ
СЛУЧАЙНОСТИ**

Мы считаем очевидными следующие относительные истины: что все люди являются продуктом длительной эволюционной цепи развития; что процесс наделения их определенными случайными и относительными правами, в число которых относится право убивать своих детей, право на полную независимость и право добиваться того, что делает их счастливыми; что для создания и обеспечения этих прав люди создают правительства.

²⁷ Peter Kreeft, *Back to Virtue* (San Francisco: Ignatius, 1992), 25 (курсив наш).

позитивного права уводит правовую теорию от моральных норм, отрицая принципы, различия и категории, которые считаются обязательными во все времена, для всех людей и во всех ситуациях. Поэтому мы считаем, что позитивное право ставит под угрозу жизнь и основные права человека – в нашей стране и во всем мире, – и не даст рационального объяснения необходимости защищать эту жизнь и эти права.

ПОЧЕМУ ТЕОРИЯ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА СТАВИТ ПОД УГРОЗУ ОСНОВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА?

Когда дарвиновские взгляды на происхождение жизни вошли в академические круги и слились с нигилистическим атеизмом Ницше и утилитаризмом Бентама и Милля, остальное было делом времени. Студенты окончили университеты, заняли руководящие посты и встали на защиту позитивизма в юриспруденции. Медленно, но верно Соединенные Штаты переходили на систему позитивного права. При этом законодательные органы принимали законы, а судьи интерпретировали их с точки зрения юридического позитивизма в сочетании с сугубо материалистическим мировоззрением. Как видно из таблицы, начиная с 1962 года, все важные решения Федерального и Верховного Суда принимались на основе эволюционно-материалистического взгляда на человеческую жизнь – и системы ценностей, соответствующей этому взгляду. Та идея, что различия между людьми и животными не принципиальны, заняла господствующее положение во всех областях жизни общества – в науке, образовании, политике, юриспруденции. Добавим к этому, что Создателя попросту «вычеркнули», перестав считать Его основанием моральных законов, – и мы увидим, что в обществе созданы все условия для узаконенной девальвации человеческой жизни.

Переход от естественного права к позитивному автоматически влечет за собой пересмотр ценностей – в частности, ценности человеческой жизни. Кого считать человеком, имеет ли человек право на защиту – теперь все это решает суд. При этом закон и нравственность стали понятиями ситуатив-

Основные решения Верховного Суда с 1962 по 1987 гг.

1962	- отменены молитвы в школах
1963	- отменено чтение Библии в школах
1968	- рекомендовано преподавание теории эволюции
1973	- младенец в утробе матери отказано в неотъемлемом праве на жизнь
1980	- из школьной программы вычеркнуты Десять Заповедей
1987	- отвергнуто требование о преподавании теории сотворения наравне с теорией эволюции

ными и автономными. Так, в 1973 году Верховный Суд США вынес по делу «Роу против Уэйда» решение, легализовавшее аборт. С этого момента началось обесценивание человеческой жизни, которое наблюдается теперь повсеместно. После того, как жизнь в утробе потеряла ценность, был сделан следующий, вполне логичный шаг: убийство новорожденных детей. «Дело младенца Доу», слушавшееся в Индиане в апреле 1982 года, – пример того, как генетически неполноценные дети в США потеряли данное им от Бога право на жизнь. Некоторые дети рождаются с генетическими дефектами, например, с синдромом Тернера (сорок пять хромосом вместо сорока шести) или с синдромом Дауна (сорок семь хромосом). Верховный Суд принял решение, в соответствии с которым можно в буквальном смысле заморить новорожденного голодом, даже когда есть люди, согласные его усыновить.

Аборты и убийство младенцев – это одна сторона человеческой жизни, ее начало. С другой, противоположной стороны встает вопрос об эвтаназии.²⁸ Это еще один пример веры позитивистов в то, что судьи имеют полную власть над человеческой жизнью. *Мы сейчас говорим об эвтаназии не как о возможности для человека умереть достойно и не как об удалении искусственных средств, продлевающих умирание. Мы говорим об эвтаназии как о готовности некоторых людей убит, прямо или опосредованно, человека, который при должном медицинском уходе еще мог бы жить.* Откровено говоря, это убийство человека на том основании, что лучше бы ему не жить. Обычно оно замаскировано такими фразами, как «право на смерть».

26 июня 1997 года Верховный Суд постановил, что средний американец не имеет конституционного права на самоубийство с помощью врача. С другой стороны, Суд оставил открытой возможность принимать такие решения на уровне штатов. В штате Орегон так и произошло. Стало быть, каждому из штатов придется принять бой. Так как эвтаназия имеет много общего с легализацией абортов, похоже, что признание ее всей страной – лишь вопрос времени.

По мере того как позитивное право формировало менталитет американских ученых, политиков и юристов, беззащитные люди лишались основных прав. Зададим такой вопрос: «Насколько серьезно позитивное право угрожает правам человека?» Как далеко можем мы зайти, определяя, что такое человек? Нобелевский лауреат Джеймс Уотсон, получивший международное признание за открытие структуры ДНК, считается авторитетом в вопросах человеческой жизни. По его мнению, новорожденного не следует считать человеком, пока он не пройдет определенный генетический тест. Он говорит: «Если мы не называем ребенка живым, пока он не достиг трехдневного возраста, у родителей остается выбор... позволить ребенку умереть... и избавить его от множества несчастий и страданий».²⁹

²⁸ См. приложение, где аборты и эвтаназия рассматриваются с точки зрения этики.

²⁹ Цитируется по: Paul Kurtz, *Forbidden Fruit: The Ethics of Humanism* (Buffalo, N.Y.: Prometheus, 1988), 18.

Обратите внимание на то, в каком опасном направлении мутирует «определение человека» – тут недалеко и до «чистоты генов»! Если генетическая чистота становится одним из критериев для определения и самого человека, и его права на защиту со стороны закона, то где проходит эта грань (если она вообще существует)? Более того, кто обладает правом ее проводить? Если ценность человеческой жизни определяется физическим, генетическим или умственным «совершенством» человека, или тем, насколько нужен он матери или отцу, то чем наше общество лучше фашистской Германии?

КАК ВЛИЯЕТ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НА ЗАКОНЫ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА?

Мы учим подрастающее поколение, что человеческая жизнь не представляет ценности ни в ее начале (аборт, убийство новорожденных), ни в конце (эвтаназия), – а потом хотим, чтобы наши дети научились ценить жизнь на ее других этапах. Опросы показывают, что одна из главных причин для тревоги у американских детей – страх стать жертвой насилия в школе.²⁰

Наши дети поражаются тому, что видят в мире взрослых. Мы показали им, что такие девизы, как «единий народ, верующий в Бога», не имеют веса ни в теории, ни на практике. Американской молодежи внушили, что Богу нет места в правительстве, в школах и в судах. Кто имеет подлинную ценность, кого должна защищать Конституция – все это определяют законодатели и Верховный Суд.

Будущее наших детей зависит от всех нас, от того, насколько разумно воспринимаем мы всевозможные философские учения. Это в первую очередь относится к учебным заведениям, поскольку именно там закладываются основания мировоззрения. История подтверждает, что идеи имеют последствия – как хорошие, так и плохие. Если мы не усвоим уроки истории о законе, правах человека и ценности каждой человеческой жизни, то мы рискуем повторить старые ошибки – только на сей раз еще более дорогой ценой.

Выдающийся юрист и государственный деятель Оливер Уэнделл Холмс (1841–1935) преподавал в Гарвардской школе права. Юристы часто его цитируют. В 1902 г. президент Теодор Рузвельт назначил его на должность в Верховном Суде США, и Холмс прославился своей либеральной интерпретацией Конституции Соединенных Штатов.²¹ Однажды он сказал: «Когда я хочу понять, что происходит сегодня или что произойдет завтра, я оглядываюсь на прошлое. Одна страница истории стоит целых томов логики».²²

Даже такой либерально мыслящий юрист, как Холмс, понимал, что история – это ключ к пониманию того, что происходит с обществом и куда оно

²⁰ George H. Gallup, *Scared: Growing Up in America* (Harrisburg, Pa.: Morehouse, 1966), chapter 1.

²¹ Microsoft® Encarta® 97 Encyclopedia. S. V. "Holmes, Oliver Wendell".

²² Laurence J. Peter, *Peter's Quotation* (New York: Bantam, 1977), 244.

идет. Вот почему на всех, кто занимается юриспруденцией, лежит обязанность изучать историю и учиться на ее примерах. Мы уже рассмотрели влияние Бентама, Милля, Дарвина и Ницше на систему образования и на формирование теории права. Давайте снова обратим взгляд в прошлое и посмотрим, как влияет образование на права человека.

Пример непосредственного влияния системы образования на права человека – фашистская Германия и массовое уничтожение евреев. Эта позорная страница истории не позволяет нам забывать, что ущербные идеи, даже если это идеи высокообразованных людей, приводят к ужасным последствиям. Идеи Гитлера нашли выражение в немецком законодательстве и стали законами, регулировавшими жизнь всей страны. Когда в Германии утвердился национал-социализм, перед юристами встала задача разработки и воплощения законов, которые поддерживали бы этот строй. Немецкие законодатели считали, что хорошие законы – это те законы, которые служат интересам государства. В связи с этим были приняты законы, ставящие государство выше прав отдельного человека, так как – в соответствии с теорией позитивного права – немецкие законодатели были властны создавать такие законы. Некоторые расы были определены как генетически неполноценные, и законы позволяли людям избавлять общество от представителей этой рас для укрепления собственной расы. Остается только удивляться, как Гитлеру удалось внушить столь радикальную идею всему народу; но кто же внушил ее самому Гитлеру?

В 1948 году Ричард Уивер пишет книгу под названием «Идеи имеют последствия», в которой предупреждает:

«Неважно, во что человек верит», – это заявление мы слышим сегодня на каждом шагу. Смысл его страшен. Если этот «человек» – философ... от его веры зависит то, как он видит цель существования мира. Как могут люди, по-разному видящие цель существования мира, прийти к согласию в вопросах поведения в повседневной жизни? По сути, это утверждение означает: неважно, во что человек верит, лишь бы он не относился к своей вере серьезно... Но что, если он все-таки воспримет ее всерьез?»²³

Гитлер воспринял всерьез не только свои идеи, но и книгу Чарльза Дарвина «Происхождение видов». Особенно ему понравился подзаголовок: «О происхождении видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Гитлер уверовал в дарвиновский «закон природы» – выживание наиболее приспособленных – и применил его к Германии и ко всему миру. Он был уверен, что для процветания Германии необходимо научить поколение будущих лидеров ценить арийскую расу и государство выше всех других. И делалось это ценой ущемления

²³ Richard M. Weaver, *Ideas Have Consequences* (University of Chicago Press, 1948), 23.

прав отдельного человека. Гитлер знал, что именно с помощью образования он сумеет убедить немцев как нацию в их праве на генетическую и расовую чистоту.

Расизм Дарвина сегодня принято замалчивать, но очевидно, что это — один из главных принципов эволюционистского мировоззрения. «Дело Скупса» часто называют поворотным моментом на пути к освобождению американского образования от предрассудков. Да, эволюционисты хотели, чтобы их взгляды на происхождение жизни преподавали наряду с креационизмом — как альтернативную модель. Но, говоря об этом, часто обходят вниманием тот факт, что эволюционизм поощряет расовые предрассудки. Ниже приводится цитата из учебника биологии, по которому учились в Теннесси еще до процесса Скупса. В тексте явно подчеркивается иерархия пяти рас, находящихся землю, и превосходство белой расы:

«В настоящее время на земле существует пять рас, или разновидностей человеческого рода, каждая из которых значительно отличается от других инстинктами, общественным укладом и, в какой-то мере, анатомией. Это следующие расы: эфиопская, или негроидная, происходящая из Африки; меланезийская, или коричневая раса, населяющая острова Тихого океана; американские индейцы; монголоидная, или желтая раса, к которой принадлежат жители Китая, Японии и эскимосы; и, наконец, самая высокообразованная — европеоидная раса, представленная цивилизованными белыми жителями Европы и Америки».³⁴

Вот этот эволюционистский расизм Гитлер объединил со своим пониманием ницшеанской идеи «сверхчеловека». «Сверхчеловек» Ницше — это тот, кто умеет преодолевать все невзгоды; тот, чье достоинство проявляется в самоутверждении и воле к власти. Все это Гитлер применил к высшей расе. Соединив дарвиновский закон естественного отбора в его расистском звучании и собственное извращенное понимание ницшеанского «сверхчеловека», Гитлер, вместе с национал-социалистами, вывел следующее:

«Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать таким образом собственной силой. Только слабые могут находить в этом нечто ужасное. На то они именно и слабые и ограниченные люди. Если бы в нашей жизни господствовал именно этот закон, то это означало бы, что более высокое развитие органических существ становится вообще невозможным... Природа противится спариванию более слабых существ с более сильными. Но в еще большей степени про-

тивно ей смешение высокой расы с нижестоящей расой. Такое смешение ставит под вопрос всю тысячелетнюю работу природы над делом усовершенствования человека».³⁵

Гитлер предложил план действий, который сулил немцам победу над всеми невзгодами и возвращение стране утраченного достоинства (в частности, расплату за унижение предыдущих военных поражений). Он писал на редкость уверенно, он умел убеждать. Перед экономически разрушенной и нравственно сокрушенной послевоенной Германией он поставил социальные и политические цели. Состояние

тогдашней Германии было плачевным, а план Гитлера был интеллектуально обоснован, и немцы поверили в успех его дела. Гитлер несколько не сомневался, что его план удастся. Он считал себя ницшеанским «сверхчеловеком», обладающим волей к власти и к возвращению армии сверхлюдей (нацистов), которые установят господство над низшими расами мира и сделают арийцев сверхрасой. Гитлеру казалось, что его план полностью соответствует законам природы, что он несет в себе «окончательное решение» и избавление мира от «низших» пород человечества, которых Гитлер считал паразитами и препятствием на пути к «более высокому ступеням эволюционного развития».

Каким же образом Гитлер пропагандировал свои идеи? С чего все началось? Ответ прост — с образования! Вот что писал человек, переживший Освенцим, о роли образования в фашистской Германии:

«Газовые камеры Освенцима — логичное следствие той теории, что человек — не что иное как продукт наследственности и среды, или, как любили говорить нацисты, «крови и почвы». Я абсолютно убежден, что газовые камеры Освенцима, Треблинки и Майданека готовились, в конечном счете, не в каком-то берлинском министерстве, а за письменными столами и в лекционных аудиториях ученых и философов, исповедующих нигилизм».³⁶

Выживание наиболее приспособленных

«О происхождении видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь».
Чарльз Дарвин. «Происхождение видов».

«Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым».
Адольф Гитлер. «Майн Камф».

³⁴ George W. Hunter, *A Civic Biology: Presented in Problems* (New York: American Book Co., 1914), 196 (курсив наш).

³⁵ Гитлер А. Моя борьба. — М.: Т — Омега, 1992 (курсив наш).

³⁶ Viktor Frankl, *The Doctor and the Soul: Introduction to Logotherapy* (New York: Knopf, 1982), xxi (курсив наш).

Что касается образования, целью национал-социалистов была подготовка следующего поколения немецких лидеров, которые завершили бы дело, начатое Гитлером и нацистами. Гитлер знал, что план, изложенный им в «Майн Кампф», нужно внушить немецкой молодежи. Он понимал, что образование – лучший способ пропаганды идей. Германия приняла его принципы; остальное мы знаем из истории.

«Наше государство должно поставить все дело воспитания так, чтобы суметь вырастить поколение, которое действительно окажется на высоте предстоящих задач. Победа достанется тому народу, кто первый сумеет стать на этот путь.

Венец всех задач нашей постановки воспитания должен заключаться в том, чтобы со всей отчетливостью поставить перед всей молодежью в первую очередь проблему расы. И умом и чувством наша молодежь должна понять, что это главная из главных и центральная из центральных проблем. Ни один юноша и ни одна девушка не должны покидать стен школы, не поняв до конца, какое гигантское решающее значение имеет вопрос о чистоте крови. Только так создадим мы основы расового возрождения нашего народа. Только на этих путях выкуем мы все предпосылки нашего дальнейшего культурного развития».³⁷

К тем же принципам, губительным для нее, склоняется сейчас Америка. Поняв слова Линкольна о том, что «философия, которую преподают в школе нынешнему поколению, в следующем поколении станет философией правительства»,³⁸ мы считаем своим нравственным долгом указать на серьезнейшую опасность поддержки правительства, поддерживающих идеи позитивного права. Мы считаем эти идеи ложными, равно как и положения теории эволюции; а когда ложные идеи становятся убеждениями руководства и правительства, результаты могут оказаться губительными. Поэтому ложные идеи должны быть пресечены прежде, чем станут социальной и политической идеологией.

Мы считаем, что позитивному праву не место в системе образования. Как уже говорилось ранее, основы позитивного права были заложены четырьмя влиятельными мыслителями: Дарвином, Ницше, Бентамом и Миллем. В предыдущих главах мы говорили об ошибочности взглядов Дарвина на происхождение жизни (теория макроэволюции). Мы также показали безосновательность атеизма и пришли к выводу, что теизм – единственное мировоззрение, заслуживающее доверия.³⁹

³⁷ См. выше, стр. 240 (курсив наш).

³⁸ William J. Federer, *America's God and Country Encyclopedia of Quotations* (Coppel: FAME, 1994), 391.

³⁹ См. последний абзац гл. 8.

Ницшеанская философия жизни ложна. Атеистический нигилизм Ницше непоследователен: он отрицает все объективные ценности, но при этом сам себя опровергает. Заметьте, что, будучи нигилистом, Ницше «ценит все право отрицать все ценности. Он отстаивает свою свободу придерживаться этого взгляда и свободу от навязывания ему других взглядов».⁴⁰

Что касается утилитаризма Бентама и Милля, примите во внимание следующее рассуждение:

«Первая проблема утилитаризма коренится в постулате о том, что цель оправдывает любые средства для ее достижения. Если бы это было так, то убийство Сталиным восемнадцати миллионов людей можно было бы оправдать коммунистической утопией, к которой он, в конечном счете, стремился. Второе: результат оправдывает далеко не всякие действия. Когда результат наличен, все равно остается вопрос: хорош этот результат или плох? Цель не оправдывает средства, они сами должны оправдывать себя. Убийство детей с генетическими «изъянами» нельзя оправдать целью – получением «чистого» генофонда. В-третьих, даже утилитаристы считают целью всеобщее благо, тем самым показывая, что это понятие им не чуждо. Иначе откуда бы у них взялась концепция добра, которого нужно желать ради него же самого? И, наконец, достижение цели само по себе еще не приносит блага. Часто мы желаем того, чего желать не следовало бы. Даже стремление к благим целям всегда оставляет вопросы: действительно ли эти цели хороши? Таким образом, в любом случае необходим некий стандарт за пределами наших желаний, позволяющий их оценить».⁴¹

История преподавала нам важные уроки: на что способен народ, когда в его учебных заведениях преподается неверная философия, и когда той же философии придерживается правительство. Один из самых наглядных уроков истории – трибунал, на котором бывших фашистских главарей судили за военные преступления. В следующей главе мы увидим, как Нюрнбергский процесс обнажил суть конфликта между сторонниками позитивного и естественного права. Именно Нюрнбергский процесс помогает понять, какая из этих двух позиций должна лежать в основе государственной правовой системы.

⁴⁰ Norman L. Geisler, *Christian Ethics: Options and Issues* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1989), 39.

⁴¹ Там же, стр. 37 – 38.

10 ВОПРОСЫ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Думаю, что справедливость – это первая обязанность общества

– Александр Гамбургон

МОЖНО ЛИ ПРИНИМАТЬ ЗАКОНЫ, ЛИШАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА ОСНОВНЫХ ПРАВ?

Фашистский террор, жертвами которого стали миллионы невинных, вошел в анналы как одно из самых ужасных злодеяний в истории человечества. Речь идет не только о войне, но и о гитлеровских концентрационных лагерях с их «индустрией смерти». Все это в сочетании с «медицинскими опытами», которые Йозеф Менгеле и другие ставили на заключенных – взрослых и детей, – практически непостижимо. Готовя большую статью, посвященную пятидесятой годовщине освобождения Освенцима, журнал "Newsweek" взял интервью у генерал-лейтенанта Василия Петренко, единственного ныне живущего из командиров тех четырех дивизий Красной Армии, которые освобождали Освенцим.

«Петренко прошел самые страшные битвы второй мировой. «Я видел много убитых, – говорит он, – видел повешенных и сожженных. И все же я не был готов к тому, что увидел в Освенциме». Больше всего его поразили дети, в том числе и совсем крохотные, которых бросили в спешке при эвакуации. Это были те, кто выжил

после экспериментов лагерного врача Йозефа Менгеле, или дети польских политзаключенных, попавших в окружение после подавления Варшавского восстания.¹

Далше в статье шла речь о детях Освенцима, которым предстояло погибнуть или стать жертвами экспериментов-пыток – садистских научных изысканий Менгеле. Значительная часть его медицинских исследований была связана с «генетикой» – Менгеле пытался получить «практические знания» о том, как произвести «генетически чистую расу».

«Фашистские преступления не имеют аналогов в истории человечества. На земле не было ничего похожего на Освенцим. Тщательно отработанные механизмы транспортировки, отбора, убийства и кремации тысяч людей в день были в буквальном смысле идеальной индустрией смерти.² Но может ли при всем том Америка или любая другая страна обвинить немецких государственных служащих в преступлениях против человечества? Особенно если учесть, что немцы считали достижение расовой чистоты долгом нации? Давайте подробнее рассмотрим, что именно происходило в Германии и почему. Это поможет нам разобраться в тех обвинениях, которые были выдвинуты против нацистов после войны.

В начале XX века, когда идеи социального дарвинизма в Германии соединились с идеями национализма, родилась концепция создания высшей в генетическом отношении расы (названной Volk – «народ»). Для идеи этого «das Volk» подбирались различные биологические аналоги, сформировавшиеся под влиянием идеи наследственности и имевшие целью защитить Германию от «расовой неполноценности».³

Немцы пытались усовершенствовать *евгенику*⁴ – науку, исследующую методы улучшения генофонда человечества. (Только в данном случае речь шла не о человечестве, а об арийской расе). Среди поставленных задач было уничтожение «низших» рас и их потомков и сохранение «лучшего» потомства. (Этот метод прекрасно согласуется с теорией макроэволюции и ее главным принципом – выживанием наиболее приспособленных). Нацистская Германия ожидала победы в предстоящей войне, что сделало бы возможным дальнейшее развитие технологий и, в один прекрасный день, клонирование особей, превосходящих других в генетическом отношении. То есть «высшая раса» произошла бы из «крови и почвы».

Нацистские лагеря смерти превратились в исследовательские «медицинские» лаборатории. Несложно понять, почему многие врачи и ученые с во-

¹ Jerry Adler, "The Last Days of Auschwitz", *Newsweek*, January 16, 1995, 47.

² Там же.

³ George J. Annas and Michael A. Grodin, *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Experimentation* (New York: Oxford University Press, 1992), 271.

⁴ См. приложение, где *евгеника* и клонирование людей рассматриваются с точки зрения этики.

одушевлением приняли нацистскую затею: ее биомедицинский аспект, идея создания совершенной арийской расы с помощью генетических технологий – все это льстило их тщеславию. Врачам предоставляли лучшие лаборатории, выделяли огромные средства и создали идеальные условия для работы – перед таким соблазном мало кто мог устоять. А «подопытных кроликов» – узников лагерей – у них было вдоволь. Вот некоторые цели и методы исследований:

«Чтобы определить предел выносливости человеческого организма, нацистские врачи подвергали заключенных концлагерей опытам с имитацией высоты, запирая их в камерах низкого давления, где они находились до тех пор, пока у них не разрывались легкие.

Для разработки наиболее эффективных методов лечения немецких пилотов, чьи самолеты были сбиты над Северным морем, они [ученые] часами держали заключенных в баках с ледяной водой, где температура тела опускалась до двадцати шести градусов.

Для коллекции еврейских скелетов врачи-нацисты убили сто еврейских заключенных и очистили скелеты от мягких тканей.

Для оценки эффективности прививок заключенных заражали малярией, тифом, оспой, холерой и сыпным тифом. Врачи также ломали кости подопытных, после чего наносили в рану инфекцию; заставляли их пить морскую воду, пока не начинались судороги и сердечные приступы; оперировали их без наркоза.

В поисках физических причин душевных расстройств они вскрывали трупы и отсылали мозг в исследовательские институты».⁵

Эксперименты, проводившиеся в концлагерях, не противоречили нацистским законам, которые определяли, что правильно и справедливо, иначе говоря – что *законно*. На примере нацистской Германии мы видим, как быстро может отдельно взятая страна обесценить человеческую жизнь и принять законы, лишавшие людей основных прав. До тех пор, пока макроэволюция и позитивное право преобладают в науке и юриспруденции – как в теории (в образовании), так и на практике (в законодательстве), – мы рискуем вновь вернуться к одному из самых мрачных периодов в истории человечества. Педагогов должны со всей серьезностью осознать, к чему ведет образование, внушающее ученикам, что человек – это лишь «кровь и почва», и что права человека не даны Богом, а определяются правительством. Тех, кто верит, что права человека определяются решениями правительства, мы должны спросить: «На каком разумном основании может одна страна объявить законы другой страны несправедливыми?»

⁵ См. выше.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ВЛАСТИ СОЗДАЮТ ИХ ИЛИ УЗНАЮТ?

Это — основополагающий вопрос для сторонников как позитивного, так и естественного права. От ответа на него зависят ответы на другие важнейшие вопросы, связанные с правами человека. Например, что значит «быть человеком» и что такое «права человека»? Если люди по природе своей животные (как считают эволюционисты), и если законы создаются государствами (как считают позитивисты), то кто определяет, что такое человек и какие у него права? Кто сказал, что все люди имеют права? К тому же, как может одно государство (Соединенные Штаты) обвинять другое государство (нацистскую Германию) в нарушении прав человека, если само правительство решает, кого можно считать человеком и какие у человека права (если они вообще есть)?

В XIX веке отношение к проблеме рабства раскололо Америку на два лагеря: от США отделились южные рабовладельческие Конфедеративные штаты Америки (Конфедерация). Гражданская война между Севером и Югом началась 12 апреля 1861 года и закончилась 26 мая 1865 года, когда капитулировала последняя армия конфедератов. Эта война унесла свыше 600000 жизней, общее число убитых и раненых составило около 1,1 миллиона. В Гражданской войне было убито больше американцев, чем во всех других американских войнах вместе взятых, начиная с колониального периода и заканчивая последним этапом войны во Вьетнаме (1959–1975 гг.). Гражданская война уничтожила собственность общей стоимостью в 5 миллиардов долларов, принесла свободу четырем миллионам рабов, а раны этой войны не зажили полностью даже полтора столетия спустя. Почему? Какой принцип оказался под угрозой? Что было поставлено на карту?

Президент Авраам Линкольн ответил на эти вопросы 19 ноября 1863 года в городе Геттисберг, штат Пенсильвания. Он произнес речь в честь тех, кто погиб там в этом году. Все, кто изучал американскую историю, помнят цитату из этого обращения: «Восемьдесят семь лет назад наши отцы основали на этом континенте новую нацию, порожденную Свободой и убежденным, что все люди созданы равными» (курсив наш). Но смысл первой части этого высказывания Линкольна часто остается без внимания. «Восемьдесят семь лет назад» — эти слова относят рождение Соединенных Штатов к 1776 году, к году написания Декларации независимости. (Конституция была подготовлена позднее, в 1787 году, а утверждена в 1788 г., а Джордж Вашингтон принял присягу и стал первым президентом США в 1789 г.) Мортимер Адлер объясняет, почему Линкольн считает годом рождения Соединенных Штатов 1776 год. Он пишет:

«Выступая против распространения рабства на новые территории, Линкольн неоднократно обращался к Декларации Независимости. Его оппоненты прибегали к Конституции с ее завуалированными упоминаниями об институте рабства. Конституция, по их мнению, была решающим аргументом в вопросах политики по отношению к распространению рабства. По сути, они сделали дату принятия Конституции юридической датой рождения страны... Обратите внимание на его [Линкольна] высказывание, сделанное экспромтом в «Индепенденс-холл» в Филадельфии 22 февраля 1861 г., незадолго до его инаугурации:

«У меня как у политика никогда не возникало чувства, что я не согласен с чем-то в Декларации независимости. Я часто размышлял об опасностях, которые навлекли на себя люди, собравшиеся здесь и принявшие эту Декларацию; я думал о лишениях, которые пришлось претерпеть офицерам и солдатам армии, завоевавшей эту независимость. Я часто спрашивал себя, на каком великом принципе или на какой великой идее так долго держалась Конфедерация. Речь шла не просто об отделении колоний от родной земли; в Декларации было нечто несущее свободу, и не только людям этой страны. В ней была надежда для всего мира. Надежда, что настанет время, когда с плеч всех людей будет снято бремя, и у всех будут равные возможности... Я скорее погибну на этом месте, чем откажусь от этого».⁶

Почему нужно было продолжать Гражданскую войну? Потому, что Линкольн был убежден: все люди сотворены равными. Он часто размышлял о цене, заплаченной патриотами за свободу, и сам был готов за нее умереть. Более того, он считал Декларацию орудием свободы и справедливости не только для Соединенных Штатов, но и для всего мира. Позитивисты же наверняка отшатнутся от такого представления о надежде, потому что только естественное право находится в согласии с великим вторым параграфом Декларации Независимости и «самоочевидными» истинами, изложенными в ней.

Сторонники естественного права считают, что правительства, опираясь на данный Богом нравственный закон, обеспечивают права человека, в то время как позитивисты верят, что правительства эти права создают. Что же думают позитивисты о Декларации независимости?

«С точки зрения позитивистов это, как заявлял в свое время Иеремия Бентам, всего лишь образец риторического красноречия, цель которого — привлечь к восстановлению как можно больше сторонников. И нет ни грама правды в лицемерных заявлениях о том, что правительства (получающие свои полномочия с согласия тех, кем

⁶ Mortimer J. Adler, *Have Without Have-Nots* (New York: Macmillan, 1991), 219 – 220.

они правят) создаются лишь затем, чтобы упрочить изначально существующие естественные права».⁷

Если теория позитивизма верна и утилитарист Бентам прав, получается, что Отцы-основатели создали этот документ только для себя. Сразу после решения суда по делу Дреда Скотта, когда было объявлено, что черных нельзя считать полноправными людьми в соответствии с Конституцией, судья Стивен Дуглас объявил: в Декларации независимости, в утверждении, что все люди созданы равными, речь идет только о белой расе, а не об африканцах. Он сказал, что Отцы-основатели имели в виду лишь то, что британские подданные на их континенте обладали теми же правами, что и британские подданные, живущие в Великобритании. В ответ Линкольн произнес слова, полные сарказма:

«Я думал, что Декларация Независимости отражает постепенное улучшение положения людей везде; но нет [по словам Дугласа] — она «была принята для оправдания в глазах цивилизованного мира колонистов, отказавшихся быть верными Британской Короне...». Что ж, этой цели мы достигли семьдесят лет назад, и теперь Декларация потеряла всякую практическую ценность, стала просто макулатурой, старыми пыжами, гниющими на поле битвы после победы».⁸

С точки зрения логики, позитивисты должны быть на стороне Дугласа, а не Линкольна, так как они не видят четкого различия между правами человека (естественными) и гражданскими правами (юридическими). Гражданские (или юридические) права — это те права, которые были приняты в качестве поправок к нашей Конституции; эти права, которые явно выражены в конституциях и позитивных законах, вводимых в действие законодательными органами. *Эти права могут меняться, что мы уже видели в нашей стране; в разных государствах они существенно различаются.* А сторонники естественного права принимают сторону Линкольна и Отцов-основателей, понимая, что существует четкое различие между правами человека (или естественными правами) и гражданскими (или юридическими) правами. Они осознают важность слова «неотъемлемые» применительно к правам, о которых сказано, что это «права человека» и что эти права — «естественные». Сторонники естественного права считают, что права эти не зависят от законодательной деятельности правительства; они убеждены, что правительство не может отменить то, чего оно не давало; этот факт подчеркивается словом «неотъемлемые». Именно такое понимание закона и прав человека привело к рождению Соединенных Штатов Америки, и на основе именно такого понимания закона свершилось правосудие в Нюрнберге.

⁷ Mortimer J. Adler, *How Without Have-Not's* (New York: Macmillan, 1991), 198.

⁸ Там же, 221.

ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРАВОВОЙ ТЕОРИЕЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТЬЮ?

Дайтее обратимся к одной из страниц истории XX века и очень тщательно изучим ее. А затем вы решите для себя, заслуживает ли доверия — как с точки зрения разума, так и с точки зрения закона — позитивистское отношение к правам человека. В начале предыдущей главы мы уже говорили о том, что юриспруденция как наука (философия закона) занимается в первую очередь концепцией закона как такового (теория права) и концепцией морали. Мы убеждены: вопрос о том, что первично — нравственность или закон, — был решен, с согласия всего разгневанного мира, на Нюрнбергском процессе.

Военный трибунал в немецком городе Нюрнберге стал одним из важнейших судебных процессов столетия. В 1945 году международный суд, в который вошли представители Соединенных Штатов, Англии, Франции и Советского Союза, рассматривал дело высших нацистских руководителей, среди которых были Герман Геринг и Рудольф Гесс. Подсудимые обвинялись в заговоре, преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечества. Обвинители представили ужасающие кино- и фотосъемки концентрационных лагерей. Многие тогда впервые увидели эти кадры.

Президент Гарри Трумэн назначил судью Верховного Суда США Роберта Джексона главным обвинителем со стороны Соединенных Штатов. Джексон участвовал также в организации процесса. Это было нечто совершенно новое, создавался прецедент: во всей истории никогда еще не было международного военного трибунала. Джексон пишет:

«Уставшие от войны люди всего мира настаивали на том, чтобы военные преступники получили по заслугам, и получили сразу... «Востроить в ряд и растерзать» — такое решение предлагали многие... Мы могли бы просто умыть руки, поставить точку в конце этой кровавой истории, вернуться к мирной жизни и все забыть. Именно этот страх — как бы все это не было забыто, — и привел к главному решению: вина руководителей Германии должна быть документирована так тщательно, точно и ясно, чтобы мир не смог забыть об их преступлениях».⁹

По этой и по многим другим причинам 18 октября 1945 года двадцати четырем человекам были предъявлены обвинения в разнообразных преступлениях, в том числе: намеренное разжигание захватнических войн; истребление людей по религиозному и расовому признаку; убийства военнопленных и издевательства над ними; угон людей в рабство; глумление над безза-

⁹ Robert H. Jackson, *The Case Against the Nazi War Criminals* (New York: Knopf, 1946), v-vi (курсив наш).

щитными; наконец, убийства сотен тысяч жителей стран, оккупированных Германией во время войны. 21 ноября 1945 года Роберт Джексон произнес вступительную речь от имени обвинения и открыл судебный процесс, подобному которому не было во всей истории права.

Защита заняла позицию, согласно которой подзащитные были просто законопослушными гражданами и подчинялись правительству, действовавшему в рамках позитивного права. Законы фашистской Германии рассматривались ими как инструмент социального, экономического и политического управления, служащий достижению конкретных целей нацизма и укреплению существующего режима. Аргументы защиты сводились к тому, что законы – не повеления свыше, а просто постановления законодательной власти; поэтому, в соответствии с теорией позитивного права, подзащитные не были виновны в нарушении законов. (Такая позиция отчасти схожа с утверждением сенатора Джозефа Байдена о том, что «хорошее естественное право... подчиняется Конституции»¹⁰). Германия считала свои законы хорошими, так как они соответствовали ее конституции и книге Гитлера «Майн Кампф» и, в целом, служили интересам государства. То есть, немецкие законы были основаны на материалистическом, эволюционистском понимании человеческой природы, и «хорошее естественное право» воспринималось как право, соответствующее законам национал-социализма, – законам позитивистским, придуманным людьми.

Доказательства, предъявленные обвинением в Нюрнберге, потрясли мир. Из показаний свидетелей, кадров кинохроники, официальных документов открывалась отвратительная, невыразимо ужасающая картина. Но были ли деяния нацистов незаконными? Таков был главный вопрос, на который предстояло ответить суду. Вот эпизод одного из свидетельских показаний:

«Я видел семью, человек восемь: мужчина и женщина, лет примерно по пятьдесят, и их дети – на вид один год, восемь и десять, и еще две взрослые дочери, лет приблизительно двадцати и двадцати четырех. Годовалого ребенка держала на руках старуха с волосами белыми, как снег, ласкала его и что-то напевала... Отец держал за руку старшего мальчишка и ласково говорил с ним; мальчик пытался сдержать слезы. Отец глядел его по голове и показывал на небо – похоже, что-то объяснял. В этот момент один эсэсовец из ямы прокричал что-то другому; тот отсчитал примерно двадцать человек и приказал им идти к земляной насыпи. Среди них была и эта семья. Я зашел за насыпь и увидел перед собой огромную могилу. Люди в ней лежали друг на друге так тесно, что видны были только головы. Почти у всех по плечам стекала кровь из голов. Некоторые из расстрелянных еще шевелились.

Некоторые поднимали руки и поворачивали головы, показывая, что они еще живы. Яма уже была заполнена на две трети. Там, наверное, было около тысячи человек... На подходе была следующая партия. Люди спустились в яму, выстроились перед предыдущими жертвами и были расстреляны»¹¹.

Не меньше потрясают свидетельства самих немецких руководителей. Один из самых известных подсудимых, Рудольф Франц Фердинанд Гесс, даже гордился тем, как эффективно он управлял лагерем смерти. Это следует из его собственных слов:

«Я руководил Освенцимом до 1 декабря 1943 года, и, по моим подсчетам, примерно два миллиона пятьсот тысяч человек были казнены и уничтожены в газовых камерах и крематориях; еще как минимум полмиллиона умерло от голода и болезней; в общей сложности это составило три миллиона смертей. Я использовал циклон Б [смертельно ядовитый газ]... [и] для умерщвления людей в газовой камере требовалось от 3 до 15 минут... Когда выносили трупы, специальная команда снимала с них кольца и вырывала золотые зубы.

В Освенциме было введено еще одно усовершенствование по сравнению с Трешлиной: газовые камеры, вмещавшие одновременно две тысячи человек... Жертвы отбирались следующим образом: у нас было двое врачей-эсэсовцев, которые занимались осмотром входящих составов и заключенными. Заключение маршировали мимо дежурного врача, который, глядя на них, тут же принимал решение. Трудоспособных отсылали в лагерь, остальных сразу же отправляли на ликвидацию. Дети малого возраста истреблялись в любом случае, так как не могли работать. В Освенциме мы старались обмануть тех, кому предстояло умереть... Очень часто женщины прятали детей под одеждой, но само собой, найди детей, мы их уничтожали»¹².

Чтобы лучше понять дилемму, которую эти слушания представляют с точки зрения позитивного права, представьте себя на месте Роберта Джексона, главного представителя Соединенных Штатов. Вы в международном суде. Вы знаете, что, согласно одному из основных принципов американского судопроизводства, человека нельзя судить по законам *ex post facto* (т. е. принятым после факта совершения преступления), и что законное деяние нельзя впоследствии объявить преступлением.

¹⁰ Свидетельские показания доктора Вильгельма Хеттла (Wilhelm Hoettl), 5 ноября 1945 года. Цит. по: Robert Jackson, *The Nuremberg Case* (New York: Cooper Square, 1971), 169 – 170.

¹² Свидетельские показания Рудольфа Франца Фердинанда Гесса (апрель 1946); цит. по: Jackson, 171 – 173.

Сторонники позитивного права вынуждены признать, что – в соответствии с их точкой зрения – действия подсудимых законны, и нет никаких логических или юридических оснований предъявлять им обвинения. Мортимер Адлер говорил, что если позитивистский взгляд на соотношение между законом и правосудием верен, то из него вытекают следующие выводы:

- кто сильнее, тот и прав;
- тирания большинства нет и не может быть;
- не существует критериев, по которым можно было бы определить, что законы или конституции несправедливы и нуждаются в изменениях и поправках;
- справедливость – понятие локальное и непостоянное, а не всеобщее и неизменное; понятие справедливости зависит от места и времени;
- позитивные законы действуют только принудительно, они не обладают авторитетом, их выполняют лишь из страха перед наказанием, которое последует за их нарушение;
- не существует различия между *mala prohibita* и *mala in se*, то есть: между действиями, которые плохи просто потому, что запрещены законом (например, нарушение правил дорожного движения), и действиями, которые плохи сами по себе, как таковые, независимо от того, разрешены они законом или запрещены (например, убийство или порабощение людей).¹³

Итак, вы находитесь в суде, – который, в соответствии с каким бы то ни было сводом позитивных законов, не имеет юрисдикции, – и обвиняете людей в преступлениях против человечества. Фраза «преступления против человечества» относится к нарушению прав человека. Но «если нет естественных прав, то нет и прав человека; если нет прав человека, то невозможны и преступления против человечества».¹⁴ Вы знаете, что именно на этом принципе основана позиция защиты. Если вы придерживаетесь позитивистского взгляда на право, то на чем основаны ваши обвинения? Как объяснить их с точки зрения закона, логики, здравого смысла? Именно об этом и говорили адвокаты.

Чтобы лучше понять, с чем пришлось столкнуться Джексоу, обратимся к одному послевоенному протоколу. Это протокол допроса офицерами Красной Армии двух немецких специалистов – главных инженеров компании «Топф», производившей крематории для концлагерей Бухенвальд.

¹³ Adler, *Have Without Have-Not*, 197 (курсив наш).

¹⁴ Там же, 200.

Даху, Маутхаузен, Гросс-Розен, Освенцим-Биркенау. Ниже приведены отрывки из протокола советской военной разведки.¹⁵ Это – диалог между советским следователем и Куртом Пффером, отвечающим за создание и эксплуатацию крематориев.

«Вопрос: Знали ли вы, что в газовых камерах и крематориях Освенцима уничтожали ни в чем не повинных людей?»

Ответ: Я знал с 1943 года, что в газовых камерах Освенцима ликвидировали невинных людей, и что их трупы впоследствии сжигали в крематориях. ...

Вопрос: Несмотря на то, что вы знали о массовой ликвидации невинных людей в крематориях, вы изо всех сил старались разработать и построить кремационные печи большей мощности – причем по своей собственной инициативе.

Ответ: Я был немецким инженером и ведущим представителем компании «Топф». Я считал своим долгом применить свои профессиональные знания, чтобы помочь Германии выиграть войну. Точно так же авиаконструктор создает во время войны самолеты, предназначенные для уничтожения людей.¹⁶

А вот фрагмент диалога между следователем и другим инженером фирмы «Топф», Карлом Шульце. Ответ Шульце обнаруживает основную проблему позитивистов, считающих, что «хорошие естественные законы» должны подчиняться конституциям, созданным людьми.

«Вопрос: Каким образом вы участвовали в их создании [имеются в виду крематории]?»

Ответ: Я немец, и я поддерживал и поддерживаю правительство и законы Германии. А согласно этим законам всякий, кто противостоит им, – враг государства».¹⁷

С точки зрения логики, сторонники позитивного права должны заниматься ту же позицию, что и адвокаты подсудимых в Нюрнберге. Они должны признать, что Гитлер и фашисты, руководствуясь основным принципом теории эволюции – «выживание сильнейшего», – подчинили законы Германии своей «конституции», то есть «Майн Кампф». Сказавший «А» да скажет «Б»: позитивисты обязаны согласиться с тем, что фашисты, если су-

¹⁵ Этот документ Джеральд Флеминг (Gerald Fleming) обнаружил во время своих исследований в мае 1993 года. Советские власти разрешили ему подробно изучить материалы разведслужб Красной Армии. Протокол допроса приводится из дела 197, которое находится в Центральном государственном архиве России. До исследования Флеминга документ был недоступен для историков.

¹⁶ Gerald Fleming, "Engineers of Death", *The New York Times*, Sunday, July 18, 1993, E19 (курсив наш).

¹⁷ Там же.

дять по законам их страны, не совершали никаких преступлений, и их нельзя признать виновными в соответствии с законами другого государства.

Мы понимаем, что не все сторонники позитивного права согласятся с нашим выводом о том, что их позиция тождественна позиции адвокатов на Нюрнбергском процессе. Мы лишь указываем на логическую связь между теорией позитивного права и тем утверждением, что законы, принимаемые правительствами, превыше всего. Обвинять нацистов позитивисты могут только с точки зрения нравственности. Клайв Льюис писал:

«Если ваши нравственные представления могут быть более правильными, а представления нацистов — менее правильными, должна существовать какая-то истинная норма, которая может служить мерилом тех или иных взглядов... Если бы нравственные правила просто значили «все, что одобрит народ», не было бы смысла говорить, что один народ справедливее другого; не было бы смысла говорить, что в нравственном отношении мир может стать лучше или хуже».¹⁸

Если нет мерила нравственности вне этого мира, то как можно обличать несправедливость в самом мире? У позитивистов не было и нет оснований — ни логических, ни юридических — верить правосудию в Нюрнберге или на любом другом международном суде. Невозможно служить правосудию, но обращаясь к объективному, универсальному стандарту (естественному праву), в соответствии с которым и оцениваются законы отдельных государств.

Сторонники правового позитивизма в Соединенных Штатах в свое время протестовали против Нюрнбергского процесса, заявляя, что он противозаконен с точки зрения американского права. Они говорили, что нельзя объявлять деяние преступным уже после его совершения, — это чудно законам многих стран, в том числе и США. Однако Джексон знал, что фундамент закона и справедливости служит основной принципом юриспруденции, что этот принцип победит и выявит ошибку правовых позитивистов. Как Джексон, так и любой, кто придерживается классического понимания права, знает, что из этого следуют такие выводы:

- *прав не тот, кто сильнее;*
- *мнение большинства может превратиться в тиранию и может быть несправедливым;*
- *принципы справедливости и естественного права позволяют нам оценить, справедливы или несправедливы законы и конституции, созданные людьми. ...*
- *справедливость — понятие всеобщее и неизменное; оно не зависит от места и времени или от того, признают его или нет в данном месте и в данный момент;*

¹⁸ Клайв С. Льюис, «Просто христианство» («Гедальфа», 1994), стр. 38.

- *позитивные законы обладают не только силой, но и авторитетом; нарушители подчиняются им только из страха перед наказанием, а законопослушные люди подчиняются им как авторитету, предписывающему справедливое поведение;*
- *существуют не только mala prohibita, но и mala se, то есть действия, которые плохи сами по себе, независимо от того, запрещают или разрешают их законы, созданные человеком.¹⁹*

Один из величайших уроков, который мир извлек из Нюрнбергского процесса, — понимание того, что позитивное право не дает логических или нравственных оснований для защиты прав человека; это может сделать только естественное право. Никакой сторонник позитивного права не в силах опровергнуть следующие утверждения из заключительной речи Роберта Джексона в Нюрнберге:

«Эти годы XX века, каждый из которых можно считать за два, войдут в летописи как два дня не в самые кровавые в мировой истории... Эти деяния станут историческими фактами и сохранятся в памяти грядущих поколений. Если мы не можем устранить причины этого варварства и предотвратить его повторение, — то, возможно, пророчество о том, что XX век погубит цивилизацию, вовсе не безосновательно... Нельзя недооценивать уникальности и чрезвычайности этого международного военного трибунала. Он выходит за рамки внутренних конституционных механизмов всех стран, участвующих в нем... Как международный военный трибунал, он выше места и времени, и руководствуется он не только международным правом,²⁰ но и основными принципами юриспруденции, на которых и стоит цивилизация».²¹

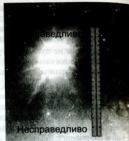
С точки зрения философии аргументы Джексона бездоказательны, если не существует объективного мерила добра и зла, с помощью которого можно оценить нравственность и закон. Первопринципы закона — Джексон называет их «основными принципами юриспруденции, на которых и стоит цивилизация», — получают полное рациональное оправдание только в том случае, если существует трансцендентный нравственный закон. Клайв Льюис хорошо объясняет абсурдность обличения несправедливости в мире, где нет трансцендентного стандарта справедливости. Он пишет:

¹⁹ Adler, *Haves Without Have-Not's*, 198 (курсив наш).

²⁰ Гуго Гроций, «отец международного права», основывал его на естественном законе. Он рассматривал естественный закон как рациональный метод, позволяющий вывести набор предположений, на которые опираются политические соглашения и позитивные (гражданские) законы».

²¹ Robert H. Jackson, *The Nuremberg Case* (New York: Cooper Square, 1971), 120 — 122 (курсив наш).

«Мой довод против существования Бога сводился к тому, что Вселенная казалась мне слишком жестокой и несправедливой. Однако как пришла мне в голову сама идея справедливости и несправедливости? Человек не станет называть линию кривой, если не имеет представления о прямой. С чем сравнивал я Вселенную, когда называл ее несправедливой? Если все на свете, от «А» до «Я», плохо и бессмысленно, то почему я сам, частица этого «всего», так пылко возмущаюсь? Человек чувствует себя мокрым, когда падает в воду, потому что он – не водное животное; рыба себя мокрой не чувствует... Таким образом, сама попытка доказать, что Бога нет, – иными словами, что вся объективная реальность лишена смысла, – вынуждала меня допустить, что по крайней мере какая-то часть объективной реальности, моя идея справедливости, смысл имеет. Следовательно, атеизм оборачивается крайне примитивной идеей. Ведь если бы Вселенная не имела смысла, мы бы никогда не смогли этого обнаружить; точно так, как если бы в ней не было света и, следовательно, существ с глазами, мы бы никогда не обнаружили, что нас окружает тьма».²²

Продолжим аналогию. Если бы в мире не было света (неизменных моральных норм), и в результате у обитателей этого мира не было глаз (нравственного чувства), то слово «тьма» (несправедливость) было бы совершенно бессмысленно. Такие суды, как Нюрнбергский, имеют смысл лишь в одном единственном случае: если есть Бог, Который судит человеческие (позитивные) законы. Поэтому Джексон апеллировал к объективному и первичному естественному закону, в соответствии с которым каждый человек несет нравственную ответственность. Тем самым он не только установил связь между нравственностью и законом, но и поставил нравственность выше человеческого законодательства. Таким образом, Джексон защищал существование высших нравственных законов, которые трансцендентны по отношению к законам государства. В итоге нацисты были признаны виновными в «преступлениях против человечества».

Нюрнбергский процесс создал прецедент в отношении правительств, принимающих законы (позитивное право), противоречащие высшим (нравственным) законам. Если какое-то правительство принуждает граждан к на-

рушению нравственного закона, то нравственность обязывает их не подчиниться этому правительству и соблазну высший закон. На этом, и только на этом основании свершилось правосудие в Нюрнберге.

Сорок семь лет спустя, в 1992 году, состоялся похожий судебный процесс. В феврале 1989 года Инго Хайнрих, пограничник из ГДР, убил человека, который пытался вырваться на свободу в Западный Берлин. Три года спустя, после разрушения стены, разделявшей Западный и Восточный Берлин, Хайнриху предъявили обвинение в убийстве. Основанием этому послужил естественный закон. Журнал "Time" писал:

«Хайнрих просто выполнял приказ. «Огонь на поражение» – таким был приказ по отношению к людям, пытавшимся перейти границу, и в глазах начальства Хайнриха такие действия были не только законными, но и заслуживали одобрения. Три года спустя двадцатисемилетний Хайнрих живет все в том же Берлине, но к власти приходит новое правительство, и в силу вступают новые законы. Теперь он, в соответствии с законом, имеющим обратную силу, оказался преступником... Он осужден за убийство... в частности, по словам судьи, за то, что подчинился законам своей страны, а не голосу совести. Судья Теодор Зайдель сказал: «Не все, что законно, верно [с точки зрения морали]. Принцип ответственности человека в первую очередь перед высшим нравственным законом, а не перед приказами, был установлен в Западной Германии десятилетия назад, когда судили бывших нацистских преступников».²³

Как уже говорилось, юриспруденция основана на концепции права как такового (теория права) и на взаимоотношении между нею и концепцией морали. Проще говоря, Нюрнбергский процесс утвердил примат морали над правом, а это подразумевает, что государства и отдельные люди обязаны знать моральный закон и основывать на нем законы позитивные, чтобы защитить права человека.

Правосудие, свершившееся в Нюрнберге и Берлине, было основано на том же принципе, что и государство Соединенные Штаты Америки: на принципе заповеданной нам Богом ценности человеческой жизни. Отсюда самым естественным и логичным образом вытекает, что законы не должны быть порождены самим человечеством, поскольку люди «защитлены» на себе, и создаваемые ими законы отражают и охраняют их интересы. Иначе получилось бы, что законодатель должен знать все людские страсти, не будучи

²² Клайв С. Льюис, «Просто христианство» («Гендальф», 1994), стр. 56.

²³ William A. Henry III, "The Price of Obedience", Time, February 3, 1992, 23 (курсив наш).

подвержен ни одной из них, и уметь смотреть в будущее, дабы законы равно подходили людям всех времен.

В своей вступительной речи перед первокурсниками Университета Дьюка Тед Коппел (Ted Koppel), ведущий программы «Night Line», произнес слова о «нравственном компасе, указывающем в одном и том же направлении, независимо от ветрий моды». Говоря о нравственном климате в обществе, которому телевидение постоянно навязывает определенные образы и модели поведения, он заметил:

«Истину мы заменили фактами; нравственные абсолюты – неоднозначностью. Теперь мы общаемся со всеми и не говорим ровным счетом ничего. Мы воссоздали Вавилонскую Башню. Это телевизионная антенна. Ежедневное звучание тысячи голосов – пародия на демократию, где каждому мнению, независимо от его смысла и ценности, придется одинаковый вес.

Более того: мнения, действительно имеющие вес, зачастую бесследно пропадают, тонут в телевизионном океане банальностей. Наше общество считает истину слишком сильнодействующим лекарством, чтобы пить ее неразбавленной. Истина в чистом виде – это не вежливое похлопывание по плечу, а грозный укор. Спустившись с горы Синай, Моисей принес не «Десять предположений», а Десять Заповедей... Абсолютная genialность Десяти Заповедей проявляется в том, что они всего в нескольких словах передают нормы приемлемого поведения не только для той или для нашей с вами эпохи, но и для всех времен. Меняются языки, в мире господствует то одна, то другая сверхдержава, информация передается со скоростью света; человек стирает одну границу за другой, но мы сами и наше поведение – равно как и Заповеди, которые это поведение определяют, – остаемся прежними».²⁴

Кое-кто утверждает, что обучать новые поколения вечным и неизменным нравственным законам – значит навязывать им религиозное мировоззрение. Но этот аргумент несостоятелен, так как источник идеи не имеет отношения к ее истинности, исторической достоверности и научной ценности. Неважно, какое происхождение у идеи – религиозное или нет. Важно то, что идея истинна. Образование – как с философской, так и с исто-

²⁴ Тед Коппел, вступительная речь, Университет Дьюка, 10 мая, 1987.

рической точки зрения – должно быть основано на истине; в нем нет места предрассудкам. Несостоятельно и обвинение в том, что идея Законодателя Морали якобы противоречит конституции; напротив, Конституция США, основополагающий документ нашей страны, говорит о «законах природы» и о «ее Творце».

Некоторые учителя полагают, что преподавание основ, на которых зиждутся неотъемлемые ценности и права человека, будет равнозначно попыткам обратить учеников в свою веру и приведет к разобщению и фанатизму – в классе, в школе и в стране. Но их опасения безосновательны. Журнал «Time» опубликовал большую статью под названием «Что случилось с этикой? Устав от грязи, скандалов и лицемерия, Америка отправилась на поиски своих нравственных корней». Речь в статье шла о раздорах и нравственном хаосе в Америке, а также о том, что необходимо сделать для восстановления единства и системы ценностей.

«Time» указывает главную причину упадка морали в Америке – как в жизни отдельных людей, так и общества в целом. Это – эгоцентризм, «одержимость собой и собственным имиджем». Далее речь идет о том, что американские семьи становятся «все менее и менее стабильными и все более эгоистичными». Автор статьи пишет: «Многие сейчас винят школы в том, что те не берут на себя традиционную обязанность семьи – привить детям нравственные ценности».²⁵ Автор приводит результаты опроса, 90% участников которого винят во всем родителей, не научивших детей нормам морали, и делает вывод: учить этике должны прежде всего образовательные учреждения. Таким образом, главный вопрос, который затрагивается в статье, можно сформулировать так: «Кому решать, какие ценности истинны, что хорошо, а что дурно?» Автор на трех страницах излагает беседы с лучшими умами страны в области права, политики и науки и в заключение пишет:

«Интересно и в каком-то смысле утешительно, что, по мнению самых выдающихся специалистов по этике, у нас есть все необходимые составляющие нравственного консенсуса – они заложены в Конституции и Декларации независимости. К этому они добавляют естественные права Локка и кальвинистское высшее право. «Все это уже есть, все записано», – говорит Хантингтон Террелл, философ из Университета Колгейта. – Нас не нужно переубеждать и обращать. В этом у нас расхождений нет». Террелл призывает «вернуться к основам», когда жизнь людей соответствовала их словам и основополагающим принципам нашей страны».²⁷

²⁵ Скрижалей с законами было две, и существовал разные мнения о том, какие именно законы были на каждой из них. Но в целом, все сходится на том, что первая скрижаль говорит об обязанности человека перед Богом, а вторая – об обязанности перед другими людьми.

²⁶ Ezra Bowen, «Looking to Its Roots», Time, May 25, 1987, 27.

²⁷ Там же, 29.

Как уже было отмечено выше, взгляды Джона Локка на естественное право легли в основу Декларации независимости и Конституции Соединенных Штатов. В книге «Запечатлено в сердце: естественный закон под следствием» профессор Будзишевски разъясняет доводы Локка в пользу того, что основа равенства – Бог, для Которого все люди одинаково ценны. Далее Будзишевски цитирует второй трактат (с четвертого по шестой разделы), где Локк пишет:

«Бог создал нас равными. И если мы равны, то должны быть свободны, то есть Бог предназначил нас для служения только Его делам, а не нашим. Из этого следует, что каждый из нас должен хранить не только себя, но и, насколько возможно, всех других людей; следовательно, у каждого человека есть собственные права. Кроме тех случаев, когда нужно по справедливости воздать агрессору, никто не имеет права отнять у человека жизнь или средства к существованию».²⁸

Комментируя позицию Локка, Будзишевски пишет:

«Мы видим, что аргумент Локка целиком и полностью основан на естественном праве, а естественное право – на существовании Бога. Но откуда мы знаем, что Бог есть? В другом своем труде Локк отвечает, что мы познаем Бога по Его делам. В мире виден удивительный порядок и замысел; но замысел предполагает Мыслителя... В нашем столетии многие теоретики права пытаются обойтись без Бога, или, по крайней мере (как предложил один из моих коллег), убрать Его со сцены. Локк же понимал, что если нет Бога, то нет и права, ибо наше достоинство основано исключительно на том, что мы созданы Им. Но если вы признаете Бога, то должны принять и все сопутствующее: не только права, но и законы».²⁹

По всем этим причинам сторонники естественного права ставят нравственный закон выше человеческих законов. У человека может быть законное право совершить какое-либо действие, но если возникает противоречие, нравственный долг стоит выше. «Права [человека] – это особая составляющая справедливости». Существует два вида права: естественное и позитивное. Первое – это право, происходящее «из самой природы вещей». Второе – это право, происходящее «из соглашений, как частных, так и общественных».³⁰

Мы привели достаточно свидетельств и разумных аргументов, объясняющих смысл естественного права и его приоритет по отношению к праву

²⁸ J. Budziszewski, *Written on the Heart: The Case for Natural Law* (Downers Grove, Ill.: InterVarsity, 1997), 165.

²⁹ Там же.

³⁰ Norman L. Geisler, *Thomas Aquinas: An Evangelical Appraisal* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1991), 172.

позитивному. Теперь вам самим предстоит решить, какая из этих концепций заслуживает доверия с точки зрения разума и закона. Правительство стран-союзниц считали, что люди несут личную ответственность за соблюдение естественного закона, который превалирует над позитивным правом; в Нюрнберге судили не всех нацистов вместе взятых, а отдельных людей. То же верно и в отношении берлинского пограничника. Каждый из нас ощущает постоянное присутствие этого нравственного закона даже тогда, когда нас никто не видит! Клайв Льюис так говорил о естественном законе:

«Итак, я хочу обратить ваше внимание на две вещи. Первое: во всем свете люди принимают любопытную мысль о том, что они должны вести себя определенным образом, и не могут от нее отделиться. Второе: в действительности они себя так не ведут. Они знают естественный закон и нарушают его. На этом основано то, как мы понимаем самих себя и мироздание, в котором живем».³¹

На восточной стене здания Верховного Суда США, под надписью «Власть правительства», высечено основание юридических законов: Десять Заповедей. Это именно тот закон, о котором говорится в Новом Завете (Послание к Римлянам 2:14–15), тот закон, нравственные принципы которого записаны в сердце и совести каждого человека. Этот закон дан Богом. В Вашингтоне есть и другая надпись, над которой стоит поразмыслить. Она расположена на северо-восточной стороне Мемориала Томаса Джефферсона. Джефферсон призывал нас не забывать, на чем основаны жизнь и свобода. Он говорил: «Бог, давший нам жизнь, даровал нам и свободу. Может ли народ жить спокойно, если мы откажемся от убеждения, что свобода – дар Божий? Я трепещу в страхе за свою страну, когда думаю о том, что Бог праведен, и что его праведный суд рано или поздно свершится». Аминь!

КАКОЕ ИЗ МИРОВОЗЗРЕНИЙ ИСТИННО (наилучшим образом соответствует реальности)?

Подытожим еще раз все выводы, которые были сделаны до сих пор. Метод проверки,³² используемый для выявления истины о реальности, основан на принципе единства истины (принципе когерентности). Этот метод позволяет выявить и расставить по местам основные принципы академических дисциплин, из которых складывается «интеллектуальная линза» (мировоззрение). Когда первые три части (основные принципы)³³ были поставлены на место, и между ними не оказалось противоречия, мы увидели соответствие сделанных выводов основным свойствам реальности.

³¹ Клайв С. Льюис, «Просто христианство» («Генезальфо», 1994), стр. 33 – 34.

³² См. главу 2 – о методах проверки разных мировоззрений на истинность.

³³ Закон непротиворечия в логике, неизменная реальность в философии, принцип причинности в науке.

Теистическое мировоззрение – это система интерпретации, которая наилучшим образом объясняет факты этого мира. Выводы, сделанные с помощью основных принципов логики, философии, космологии, молекулярной биологии и теории информации, исключают атеизм и пантеизм из числа состоятельных мировоззрений. В следующих главах, продолжая исследовать реальность с помощью первопринципов, мы приложим все усилия к сохранению приоритетного порядка, единства и согласованности уже выясненных нами основных принципов и выводов из них.

Только выводы, вытекающие из теистического мировоззрения, не противоречат основным принципам, когда речь идет о природе истины, природе космоса, а также о существовании и познаваемости бесконечно могущественного, разумного и неизменного Бытия (Бога-Логоса). Применив к реальности основные принципы права, мы пришли к выводу, что абсолютные моральные законы существуют, и они объективно познаваемы. Поэтому теперь в наш список можно добавить основные принципы права, которые полностью согласуются с теистическими выводами о природе и качествах Бога. В последующих главах мы покажем, что только теизм в целом (и христианский теизм в частности) предлагает рациональное и последовательное объяснение вопросов зла и морали. Мы выясним, почему атеизм и пантеизм нарушают основные принципы, относящиеся к этим вопросам, и покажем, что они не в состоянии дать удовлетворительные ответы как на эти вопросы, так и на многие другие.

	Атеизм	Пантеизм	Теизм
Истина	<i>Относительная, абсолютной нет</i>	<i>Относительная, примененна к этому миру</i>	<i>Абсолютная истина есть</i>
Космос	<i>Существовал всегда</i>	<i>Нереален, иллюзорен</i>	<i>Сотворенная действительность</i>
Логос	<i>Не существует</i>	<i>Существует, непознаваем</i>	<i>Существует, познаваем</i>
Законы	<i>Относительны, определяются человеком</i>	<i>Относительны в примененна к этому миру</i>	<i>Абсолютны, объективны, познаваемы</i>

В поисках подлинной реальности

11 ВОПРОСЫ О БОГЕ И О ЗЛЕ

Нет ничего бессмысленнее ответа на вопрос, который плохо понят и плохо сформулирован. Мы слишком спешим задавать вопросы и слушаем ответы лишь вполуха

– Питер Крифт

ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЕТ ЗЛО?

За минувшие столетия было написано великое множество книг о происхождении зла, его влиянии на человека и о том, как исправить зло. Едва ли не у каждого философа и богослова своя точка зрения на проблему зла и на ее решение. В этой главе мы поговорим о зле в контексте существования Бога: «Если Бог есть, то почему существует зло?» При этом мы будем говорить не об абстрактном божестве, но о христианском Боге, Который открылся нам в Библии.

В предыдущих главах мы привели аргументы и свидетельства в пользу существования бесконечно могущественного, вечного, мудрого и нравственного Бога. Но если этот Бог сотворил все сущее, и если зло реально существует, то получается, что Он сотворил и зло? Если Божье могущество беспредельно, Он мог бы преградить дорогу злу; если Он бесконечно благ, Он должен был это сделать. В контексте этого рассуждения существование зла представляется бессмысленным. Эта дилемма становится еще труднее в свете библейского учения о том, что Бог справедлив и любит нас. Если все это так, то почему Он не положит конец злу?